

SUJATA MASSEY

THE BOMBAY PRINCE

PERVEEN MISTRY
BOOK 3

СУДЖАТА МАССИ

ПРИНЦ В БОМБЕЕ

ПЕРВИЮ МИСТРИ
КНИГА ③

*Перевод
Александры Глебовской*

POPCORN BOOKS
Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
М32

BOMBAY PRINCE
by Sujata Massey

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Масси, Суджата.

М32 Принц в Бомбее / Суджата Масси ; пер. с англ. А. Глебовской. — Москва : Popcorn Books, 2024. — 432 с.

ISBN 978-5-907696-62-4

Ноябрь, 1921 год. Эдвард VIII, принц Уэльский и будущий правитель Индии, прибывает в Бомбей. Индийский субконтинент стонет под британским правлением, и Первин Мистри не удивляется, когда местные волнения перерастают в бунты. Но её потрясает смерть Френи Каттингмастер, восемнадцатилетней парсийской студентки, которая падает с галереи второго этажа в тот момент, когда грандиозная процессия принца проходит мимо её колледжа.

Когда смерть Френи признаётся убийством, Первин решает, что не успокоится, пока не добьется справедливости. Но Бомбей кипит: по улицам маршируют вооруженные агенты британских служб, бунтовщики нападают на всех, кто имеет хоть какое-то отношение к британцам, а отчаявшиеся владельцы магазинов уничтожают свои товары, чтобы не стать целями расовой ненависти. Сможет ли Первин помочь страдающей семье, когда её собственная находится в опасности?

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44

Copyright © 2021 by Sujata Massey
Cover illustration: Andrew Davidson
Author image: © Jim Burger
© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2024
© Издание, оформление. Popcorn Books, 2024

ISBN 978-5-907696-62-4

*Клэр и Рекхе,
любимым сестрам, научившим меня
рассказывать истории*

ПОСЕТИТЕЛЬНИЦА

— Вот и хорошо.

Эти слова Первин Мистри произнесла вслух, раскладывая подписанные контракты по конвертам. Поднесла свечу к палочке сургуча, дождалась, пока на заднюю сторону каждого конверта упадет по алой капле. Последний штрих — придавить сургуч медным штемпелем с надписью: АДВОКАТСКАЯ КОНТОРА МИСТРИ.

Хвалить себя вообще-то негоже, но на этот контракт об аренде недвижимости она потратила четыре месяца. Двое клиентов до бесконечности обменивались списками условий — каждый считал делом чести выдвигать всё новые требования.

При этом на деле арендатор и арендодатель нуждались друг в друге. Клиент адвокатской конторы Мистри мистер Шах искал жилья в свое бунгало на холме Кумбалла. Мистер Ахмад, клерк одной из пароходных компаний, был квалифицированным съемщиком. Первин составила соглашение, основываясь на уже имевшихся у нее образцах контрактов на сдачу внаем недвижимости того же самого владельца. И тут ее клиент внезапно потребовал внести ограничение на разделывание мяса. Мистер Ахмад его вычеркнул и написал крупными буквами, что жена его имеет

право готовить все, что ей заблагорассудится. А еще он желал, чтобы мистер Шах выкорчевал полузасохшее манговое дерево в саду и посадил новое.

На самом деле найти в Бомбее достойное жилье, особенно частный дом, было не так-то просто. В город стекались жители всей Британской Индии и независимых княжеств — в поисках хорошо оплачиваемой работы. Бунгало конца XIX века разваливались от старости, среднему классу приходилось довольствоваться квартирами. Кстати, почти в каждом многоквартирном доме, вне зависимости от района города, селились люди, которых объединяли религия, место происхождения и язык.

Первин подозревала, что именно религиозные предрасудки и взыграли в ее клиенте-парсе*, а потенциального съемщика-мусульманина заставили вести себя вызывающе. Она отправила обеим сторонам любезные письма с напоминанием, что на следующий год вырастут муниципальные налоги, так что им обоим, пожалуй, следует приостановить все дела с недвижимостью, пока не выяснится новая стоимость жилья.

Перспектива оказаться с пустым домом на руках перед самым приходом налоговых счетов вынудила мистера Шаха снять условие касательно мяса. Мистер Ахмад поблагодарил его и отказался от требования посадить новое дерево, но одновременно он попросил разрешения по собственному разумению вносить изменения в планировку сада. Первин завила мистера Шаха в том, что любой арендатор, который вкладывает собственные деньги в сад, только способствует повышению стоимости жилья и репутации его владельца.

И вот контракты подписаны, запечатаны, готовы к отправке.

---

* Парс — зороастриец, родившийся в Индии.

Первин взяла оба конверта и отправилась на поиски Мустафы. Седовласый гигант — охранник, дворецкий и портье их адвокатской конторы — уже поднимался на второй этаж. Он взял у Первин документы и сообщил:

— К вам молодая дама.

— Лили? — Первин ожидала доставку печенья и торта из кафе Яздани.

— Нет. Ее зовут мисс Каттингмастер. — Выговаривая это имя, Мустафа выразительно пошевелил своими длинными жесткими усами.

— Очень необычная фамилия. Полагаю, мусульманская или парсийская, — задумалась Первин.

Мустафа кивнул:

— Вы правы, да и лицо у нее иранского типа. Она сказала, что к вам ее отправила мисс Хобсон-Джонс.

В Первин проснулось любопытство. Элис Хобсон-Джонс, ее лучшая подруга, преподавала математику в колледже Вудберн. Может, мисс Каттингмастер ее студентка.

— Я сейчас спущусь. Вас не затруднит заварить нам чаю?

— Он уже на столе.

Первин заглянула в полуоткрытую дверь приемной, оценивая посетительницу. Мисс Каттингмастер сидела на краю дивана, обитого сиреневым бархатом, на коленях у нее лежала книга. Девушка склонила голову, спутанные темные кудри свесились вниз. Из рукавов накрахмаленной белой хлопковой блузы, надетой под невзрачное бурое сари, виднелись худые запястья. У ног лежала холщовая сумка цвета хаки.

— Кем-чо*. — Первин поприветствовала посетительницу на гуджарати, на котором часто говорили между собой парсы.

---

* Кем-чо — «добрый день» на гуджарати.

Френи Каттингмастер тут же захлопнула книгу:

— Да. Доброе утро, мэм, или как к вам нужно обращаться? Может, эсквайр?

Девушка на удивление складно говорила по-английски, хотя и была одета в домотканое сари, какие любили носить сторонники независимости. Впрочем, именно по-английски изъяснялись в мире науки — возможно, поэтому она к нему и прибегла.

В гостиной могли усесться четверо, однако Первин решила не опускаться в просторное кресло в стиле королевы Анны, а присела на тот же диванчик, что и студентка. Цель ее состояла в том, чтобы та почувствовала себя менее скромно.

— Меня зовут Первин Мистри. Для «мэм» я, пожалуй, еще слишком молода, а «эсквайрами» юристов называют в основном в Соединенных Штатах. Назовите мне свое имя?

— Френи. — Девушка слегка отодвинулась. — Я все равно не понимаю, как вас называть. «Мемсагиб»* — титул в основном для британок, его я использовать не буду. «Мэм» мне тоже не больно-то нравится.

Первин вспомнила традиционное уважительное обращение к парсийкам:

— Если хотите, можете называть меня Первин-баи.

Френи кивнула:

— Первин-баи, я пришла к вам по поручению Союза студентов колледжа Вудберн. Мы хотели бы получить юридическую консультацию.

Активистов в Бомбее становилось все больше и больше. В последние месяцы число сторонников известного юриста Мохандаса Ганди, призывавшего к протестам против британского правления, неуклонно росло. Первин очень хотела

---

* Мемсагиб — уважительное обращение к женщине высокого статуса.

хоть чем-то помочь борцам за свободу, но, поскольку она была поверенным, работать ей в основном приходилось только с договорами.

— Я польщена тем, что вы выбрали адвокатскую контору Мистри. Расскажите, в чем ваша проблема?

Френи вгляделась Первин в лицо:

— Мы хотим знать, есть ли у нас право не посещать занятия в колледже и не нести за это наказания.

Первин задумалась:

— Я не совсем понимаю. Посещение занятий — одно из условий зачисления в колледж. У вас конфликт с кем-то из преподавателей?

— Вовсе нет. Я учусь на втором курсе, и мне очень нравится в колледже. — Френи ласково сжала книгу, лежащую у нее на коленях. — Более того, мы, студенты, вообще не пропустим никаких занятий в тот день, который я имею в виду, потому что их все равно отменят.

И за этим девица явилась в их адвокатскую контору? Первин, тщательно скрывая раздражение, произнесла:

— Полагаю, в вашем случае взять выходной не возбраняется. Студенты часто пропускают занятия по болезни или семейным обстоятельствам.

— Но тут другое дело. Политическое. — Последнее слово девушка выговорила особенно тщательно, подчеркивая его важность. — Мы хотим пропустить занятия в день, когда в Бомбей прибудет принц Уэльский. Вам известно, что Гандиджи* призывает к харталу?***

— Да. Я видела плакаты с призывами устроить принцу бойкот. — Первин встречала эти дерзкие воззвания рядом с афишами, гласившими: «Добро пожаловать, принц

---

* Гандиджи — уважительное обращение к Мохандасу Ганди.

** Хартал — забастовка с целью протеста.

Уэльский», которыми правительство завешало весь город. В четверг Эдуард сойдет с судна в бомбейском порту, чтобы начать отсюда четырехмесячное турне по Индии. Визит двадцатисемилетнего принца все воспринимали как подтверждение того, что впереди их ждут еще много десятилетий британского правления.

Френи подалась вперед и заговорила, сдерживая волнение:

— Часть плакатов развесили мы, студенты. Мы хотим, чтобы на параде присутствовало поменьше народу. Но ректор колледжа объявил, что в день приезда принца все должны явиться его встречать. Рабочие строят перед колледжем специальную трибуну. От нас требуют, чтобы мы аплодировали этому паршивому принцу, когда он будет проезжать по набережной Кеннеди.

После этой пылкой речи у Первин не осталось никаких сомнений касательно взглядов Френи. Но чем ей может грозить неявка в колледж в такой день?

— А у вас в Союзе студентов есть куратор из числа преподавателей?

— Да. Мистер Теренс Грейди. — Уголки губ Френи поползли вверх.

Первин подумала: только бы девочка не влюбилась.

— И мистер Грейди докладывает администрации о деятельности вашего клуба?

— Вряд ли, — ответила Френи, подумав. — Он ирландец, а среди ирландцев много тех, кому не больно-то нравится жить в составе Британской империи. Мистер Грейди признался, что ему, как штатному сотруднику, придется в этот день прийти в колледж. Он слышал о желании членов Союза студентов остаться дома и призывает нас поступать в согласии со своей совестью.

Первин чуть расслабилась и заметила:

— Судя по всему, он человек порядочный. А что вы можете сказать о ректоре?

— Его зовут Хорас Вирджил Атертон. — Френи произнесла это отрывисто, без всякого тепла, которое звучало в имени мистера Грейди. — Он у нас временно, с октября. А настоящий ректор в длительном отпуске. На занятиях по христианскому Писанию, до того как заговорит священник, мистер Атертон иногда обращается к нам с речью. И это вечно что-нибудь про то, что не нужно нигде толпиться или, там, толкаться в коридорах и на лестницах. А про философию и суть образования — ни слова.

Первин фыркнула:

— Вашему ректору руководить бы начальной школой. А у него есть причины не одобрять ваше поведение в коридорах?

Френи тоже в ответ удовлетворенно фыркнула:

— Он считает, что у нас слишком много толкучки и вдруг кто упадет. Говорит, что кто-то из девушек-студенток может пострадать, меня и моих подруг это очень раздражает. Мы ж не фарфоровые.

— Да уж. Бомбейские женщины крепче кокосовых орехов! — Услышав смех Френи, Первин добавила: — А почему вы посещаете занятия по христианскому Писанию?

— В принципе, это не обязательный предмет. Но перед началом занятия всегда делают переключку. Вот все туда и ходят, вне зависимости от своей веры.

— И вы хотите сказать, что вам ставят прогул, если вы не посещаете христианскую службу? — Первин примолкла, подумала, нет ли тут основания для судебного иска. — Колледж Вудберн — миссионерское учебное заведение, не так ли?

— Совершенно верно. Его основал достопочтенный Эндрю Вудберн из Шотландской церкви, он приехал в Бомбей в 1810 году.

— А как ваши родители относятся к тому, что вы получаете образование в пресвитерианском колледже?

— Мой отец считает, что это почтенное учебное заведение и что все прочие предметы мне очень полезны. — Френи досадливо улыбнулась и добавила: — Он старший портной в магазине Готорна. Хвастается перед заказчиками, что я учусь в Вудберне.

Портной наверняка гордится тем, что смог отправить дочь в один из самых старых колледжей. Тут-то Первин и поняла, что фамилия у девушки самая что ни на есть подходящая*.

— Ваш отец, похоже, отличается большой терпимостью.

— Я бы так не сказала. — Френи указала на одно из кресел и ухмыльнулась: — Вот это его бы точно разозлило.

— Почему? — озадаченно спросила Первин.

— Красная обивка порвалась. Вон там, рядом с ножкой.

Первин вслед за посетительницей посмотрела на кресло, которое никогда раньше так пристально не разглядывала.

— Ну надо же, вы совершенно правы. Это любимое кресло моего отца. Он, наверное, зацепил обивку ботинком. Он кладет ногу на ногу и иногда топает каблуком. Ну, вернемся к делу. Ваш отец знает, что вы поддерживаете идею независимости?

Френи опустила глаза на книгу, как будто правильный ответ нужно было искать там. А когда подняла голову, лицо ее стало хмурым.

— Я хотела ему все рассказать, но пока не получается. Он считает, что я еще молода и не понимаю таких вещей.

Первин сочувственно кивнула:

---

* Каттингмастер — мастер-закройщик (англ.).

— Да, отцы все такие. Вы хотите сказать, что ваш отец не знает, что вы один из лидеров Союза?

Френи затрясла головой:

— Никакой я не лидер. В Союзе вообще всего две девушки.

— Вы говорите, что вы не лидер, но ведь это очень ответственное поручение — получить от лица всех членов юридическую консультацию, — заметила Первин. — Вы можете собой гордиться.

— Нечем мне гордиться. Я просто подумала, что полезно будет им помочь. Не хочу я, чтобы кто-то пострадал. — Она поаккуратнее пристроила книгу на коленях и добавила: — Я решила, что, наведавшись к вам, сделаю полезное дело.

Первин не хотела, чтобы Френи заподозрила ее в способности творить чудеса.

— Какое именно?

— Меня однокурсники иногда дразнят... — Она набрала полную грудь воздуха. — Что, мол, мой отец ползает на коленях перед англичанами и англо-индийцами.

— А как же еще портному подрубать брюки? — Первин почувствовала особое сочувствие к девушке: Каттингмастеры были из рабочего класса, им явно пришлось преодолеть множество преград, чтобы отправить свою дочь в колледж.

— Динеш — он у нас в Союзе студентов самый речистый — говорит, что все парсы любят англичан. Когда мы с Лалитой вступили в Союз, он хорошо к нам относился, а теперь не разрешает мне ни в чем участвовать.

Первин почувствовала стеснение в груди:

— Только полные невежды могут такое сказать про наших единоверцев. А если взять, к примеру, Дадабхая Наорджи, великого деда движения освобождения, или мадам Бхикаджи Каму, которую выслали во Францию? Нельзя

забывать и о том, что многие бизнесмены-парсы из Южной Африки и Индии уже давно поддерживают Гандиджи.

— Динеш говорит, что парсов интересуют только деньги. — Уголки губ Френи, похожих на розовый бутон, поползли вниз. — Уверена: они отправили меня к юристу только потому, что тогда мне и платить по счетам.

— Мы беседуем, я не оказываю вам никаких юридических услуг. Платить не надо, — успокоила ее Первин.

— Спасибо вам. — Френи перестала хмуриться. — Мисс Хобсон-Джонс сказала, что у нее есть подруга — первая женщина-поверенный в Бомбее. И мне очень захотелось с вами повидаться.

Слова Френи сильно польстили Первин.

— Я тоже рада знакомству с вами. Скажите, когда вы поступили в колледж, вам выдавали списки правил? Ваши родители или вы подписывали какой-то договор? В таких документах обычно перечислены основания для отстранения от занятий или исключения.

— Никаких списков нам не выдавали. Договора я тоже не припомню, но, если он был, он хранится у моего отца. — Френи наморщила лоб и добавила: — А у него я не могу попросить.

Первин не хотела стать причиной разлада в семье.

— Тогда спросите у других студентов или студенток, нет ли у них таких договоров. Прочитайте его или принесите мне.

— Обязательно, Первин-баи. — Френи взяла у Первин карточку, которую та достала из хрустальной вазы на серебряном чайном столике.

— Участие в политической акции — дело серьезное. Уже много десятилетий студентов-индийцев, которые выходят на протесты, избивают, сажают в тюрьму и даже казнят. — Увидев, как округлились у Френи глаза, Первин до-

бавила: — Вам не вынесут смертного приговора за пропуск одного дня занятий, но я очень вас прошу: не выходите на политическое выступление только ради того, чтобы впечатлить однокурсников.

— Вот я вам клянусь: меня стошнит при виде этого принца! Я покрою себя позором! — объявила Френи. — Но одновременно я боюсь, что, если мы не придем, вся наша жизнь пойдет под откос. Я слышала, что два года назад нескольких студентов отчислили за то, что они были коммунистами.

Первин задумалась. Как уклониться от чествования принца и не подвергнуться наказанию?

— А вы не задумывались, что можно в четверг просто остаться дома, сославшись на боль в животе, — тогда ни ваши родители, ни преподаватели ничего не узнают?

Френи качнула головой:

— Это притворство. А вы знаете про ашу*.

Она имела в виду краеугольный камень мировоззрения парсов: принцип праведности. Богобоязненный парс всегда говорит правду. Именно поэтому индийцы самых разных вероисповеданий всегда доверяли юристам-парсам.

— Да, про ашу я все понимаю, но ведь ни вы, ни я не можем заранее ничего сказать о вашем телесном и душевном здравии в четверг. Болезнь — неоспоримая причина для отсутствия.

— Солжешь — в беду попадешь. Не хочу я этого повторять.

Выслушав краткое заявление Френи, Первин умолкла, тишину нарушало лишь тиканье напольных часов в углу. В паузе Первин поняла, что пытается сбить с истинного пути необычайно совестливую молодую девушку.

---

* Аша — праведность или истина.

— Френи, вы должны действовать в соответствии со своими убеждениями — и так же должны поступать все студенты. Учитывая, что лидеры Союза попросили вас проконсультироваться с юристом, как минимум некоторые из них разделяют ваши тревоги.

— Точно. Если нас выкинут из колледжа, не видать нам больше ни стипендии, ни денег на образование от родителей. Мы испортим всю жизнь и им, и себе. — Тут слова так и полились: — Я подумала, если я к вам приду, вы дадите мне ответ. Надеялась, что вы скажете «нет», потому что так безопаснее и мы сможем продолжить учебу. Но «нет» вы мне не сказали.

— У меня недостаточно данных, и мне сложно предсказать, как отреагирует мистер Атертон. — Первин очень сожалела, что не может посоветовать Френи ничего определенного. — До приезда принца еще три дня. Мы еще успеем выяснить, есть ли у кого-то этот договор. А я, конечно же, рада буду его посмотреть.

— Спасибо. — Френи перевернула книгу, которую держала, сдвинула ее ближе к сумке.

Первин глянула на обложку: «Сердце тьмы» Джозефа Конрада. Она еще не успела прочитать этот популярный роман, но слышала от Элис, что автор клеймит колониальную политику европейцев в Африке.

— Это из списка чтения по литературе?

Френи ласково опустила книгу в сумку:

— Нет. По всемирной истории. Мистер Грейди часто заставляет нас читать романы и газетные статьи, потому что считает, что они правдивее книг по истории. Вот только проблема в том, что авторов очень много, кому из них верить?

— Любопытное замечание. Я с удовольствием побеседую с вами снова, но пришлите мне заранее записку или

позвоните по телефону. У меня каждый день по несколько встреч, я не всегда бываю на месте.

Френи взглянула на Первин с восхищением:

— Вы защищаете невиновных в Верховном суде Бомбея?

— Пока нет. Женщины еще не получили права выступать адвокатами в Верховном суде Бомбея.

Брови Френи поползли вверх.

— Вы хотите сказать, что в Индии нет ни одного суда, где женщины могут отстаивать интересы своих клиентов?

— Я говорю только про Верховный суд, про другие не знаю. — Первин увидела, как вытянулось у девушки лицо, и добавила: — Может, у меня и будет возможность это выяснить.

— Мой брат отлично отстаивал свою точку зрения, — произнесла, помолчав, Френи.

— А теперь это не так?

— Дарий утратил способность говорить, — тихо откликнулась девушка.

— В каком смысле? — озадаченно переспросила Первин.

— Дарий умер, когда ему было тринадцать лет, а мне одиннадцать. Папа очень надеялся, что мой брат будет первым в нашей семье, кто поднимется выше ремесленника. Я учусь в Вудберне, потому что часть расходов покрывает стипендия. А остальные деньги доплачивают родители — из тех, которые накопили на образование брата.

Головоломка начала складываться.

— Это очень грустно. Вы, наверное, сильно по нему тоскуете.

— Конечно. И если меня исключат, я покрою позором не только родителей, но и покойного брата. — Френи морг-

нула, расправила плечи. — А как вы уговорили мистера Мистри позволить вам стать поверенным?

— Ну, он хотел, чтобы я изучала право в Оксфорде, потому что моего брата никогда бы туда не взяли. Только я одна могла осуществить папину мечту передать юридическую практику по наследству.

— Но ваш отец мог поступить и по-другому, — возразила Френи. — Нанять поверенных и барристеров, создать большую важную фирму, как у Вадии Ганди или у Мохаммеда-Али Джинны.

Первин кивнула:

— Да, это крупные юридические конторы нашего города, но мой отец решил, что начнет с меня. Наверное, надеялся, что у него появится еще и зять, но с этим не вышло.

— Значит, он верил в вас с самого начала. И все же вам, наверное, странно было учиться в стране, которая угнетает Индию. — Френи чуть подвинулась на диване, чтобы смотреть на Первин в упор.

Та, заметив осуждение в глазах девушки, ответила:

— В Англии мне доводилось встречать людей, которые относятся к индийцам с предубеждением. Но меня удивило, сколько там тех, кто поддерживает идею независимости Индии. И громче всех об этом говорила мисс Хобсон-Джонс.

Френи ахнула, потом широко улыбнулась:

— У нас изумительные преподаватели! Это-то и здорово в нашем колледже. Хотя я знаю наверное, что некоторые из них скрывают правду о своем прошлом.

Сколько раз Френи произнесла слово «правда»? Видимо, она ею одержима.

— В целом я согласна: всегда нужно говорить правду. Проблема в том, что мое понимание неких прошлых событий может сильно отличаться от впечатлений другого человека от тех же событий.